

Валерий Воронин

# ЗАМОК ВОИНА

Древняя вотчина  
русских богов

ТАЙНЫ  
ИМПЕРИИ  
историческая  
серия



**Валерий В. Воронин**  
**Замок воина. Древняя**  
**вотчина русских богов**  
Серия «Тайны империи», книга 1

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=10245193](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10245193)*

*Валерий Воронин. Замок воина. Древняя вотчина русских богов: Свет;*

*Москва; 2015*

*ISBN 978-5-00053-325-3*

### **Аннотация**

Два мира. Один реальный, другой – тот, который открылся благодаря найденной студентом Кириллом старой тетради в охотничьем замке князя Юсупова в Крыму несколько десятилетий назад. Листок с планом и текст: «Девушка татарского происхождения Сулима...». Выходило, что мать Сулимы – суфийка Шарида – указала на какие-то тайные места, вскрыв которые люди Юсупова убедились в древности и силе данной местности. Что же, идея построить усадьбу в Коккозах и в том числе охотничий замок исходила от шаманки?

Эту и другие тайны горного Крыма исследует, уже повзрослев, Кирилл, приехав в современное село Соколиное, где сохранился до настоящего времени тот самый замок Юсупова – замок воина. В нем каким-то непостижимым образом была закреплена древняя историческая связь с настоящим.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Часть I                           | 5  |
| 1                                 | 5  |
| 2                                 | 10 |
| 3                                 | 15 |
| 4                                 | 20 |
| 5                                 | 24 |
| 6                                 | 29 |
| 7                                 | 35 |
| 7                                 | 40 |
| 8                                 | 45 |
| 9                                 | 51 |
| Часть II                          | 56 |
| 1                                 | 56 |
| 2                                 | 62 |
| 3                                 | 68 |
| 4                                 | 73 |
| 5                                 | 79 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 84 |

**Валерий Воронин**  
**Замок воина. Древняя**  
**вотчина русских богов**  
**Тайны империи.**  
**Книга первая**

© Воронин В. В., 2014

© ООО «Свет», 2015

# Часть I

## Подземелья замка Юсупова

### 1

В сентябре у меня были каникулы. И свой студенческий отпуск я хотел провести в Крыму. Мне удалось достать две путёвки на турбазу, которая находилась в живописном месте недалеко от Ливадии. Вторую путёвку я отдал моему другу Вовке, который в то время учился в техникуме.

Однажды к нам подошёл инструктор по горной подготовке и предложил пойти в поход на семь дней. Группа к тому времени была собрана, необходимые снаряжения на базе имелись в достаточном количестве. И мы, конечно же, согласились.

Сам поход начинался из высокогорного плато Ай-Петри, где у турбазы имелся свой летний дом, выполнявший роль приюта. Кажется, он сохранился до наших дней, и в нём до сих пор отдыхают туристы, переживая ночь или непогоду.

Рано утром, когда по каменистому плато побежали первые отражения восходящего солнца, мы с плотно набитыми рюкзаками выстроились цепочкой вслед за нашим инструктором. Идти предстояло по какой-то «партизанской» тропе,

ведущей в горную долину, нам неизвестную и оттого казавшуюся загадочной.

Часам к десяти стало жарко. А когда солнце и вовсе поднялось к зениту, пришлось делать привал. Многие из шедших впереди меня просто валились с ног. Думаю, и у тех, кто был сзади, сил было не больше.

Только сейчас я обратил внимание на симпатичную девушку, которая сбросила с плеч отяжелевший рюкзак и повалилась рядом на траву. И без лишних слов было видно, как сильно она устала. А ещё сколько идти!

Недолго думая я познакомился с ней и предложил взять её рюкзак, когда двинемся дальше. Девушка сразу же согласилась. Из чего я сделал вывод, что она совершенно не готова к походу. И зачем только согласилась на подобную «прогулку»?

Когда двинулись дальше, у меня теперь на плечах было два рюкзака: один впереди, а другой – сзади. Надо сказать, что некоторые из ребят последовали моему примеру, предложив спутницам джентльменскую помощь.

Конечно, теперь идти стало ещё тяжелее, но зато как вырос мой авторитет в глазах остальных! Впрочем, радовался я недолго. Не заметив выступающего из земли и пересекавшего тропу корня дерева, я споткнулся и полетел по склону вниз. Хорошо, что плотный кустарник приостановил мой полёт. А подбежавший Вовка помог встать на ноги. Можно теперь идти дальше.

Только сейчас я почувствовал, что не могу как следует встать на правую ногу. Мой друг взял один мой рюкзак и с сожалением нацепил на свои плечи. Конечно, стало легче, но... весь дальнейший путь превратился для меня в пытку.

С величайшим трудом я дошёл до привала, который мы устроили на берегу небольшого озера. Нога распухла и страшно болела. Пришлось обратиться к инструктору. А тот лишь удручённо головой замотал: «Что же ты сразу ко мне не обратился?!» Я только плечами повёл: «Думал, всё пройдёт само...»

На следующее утро моё положение и вовсе казалось безвыходным. Нога была плотно перевязана бинтом, и я даже мог стоять на ней. Но идти – извините, это уже не в моих силах. Что же делать дальше? Бросить меня в лесу нельзя, и группу задержать на одном месте – тоже. Люди хотя и входили в моё положение, но уже потихоньку начали роптать.

Многоопытный инструктор, предвидя дальнейшее развитие ситуации, принял быстрое решение:

– Идти сможешь? – строго спросил он.

– Угу, – просипел я, не понимая даже, как смогу сделать хотя бы один шаг.

– Хорошо, – продолжил он, – я отведу тебя к своему другу. Там ты останешься до конца похода. А на обратном пути мы заберём тебя. Договорились?

Я согласно кивнул головой. Было ясно, что мой поход в горы уже закончен. Так всё глупо получилось...

Вскоре на какой-то попутке мой туристический ангел-хранитель довёз меня до села Соколиное. А дальше я доковылял за инструктором до какой-то усадьбы, где стоял огромный дом с башней. Откровенно говоря, нога так разболелась, что я даже не смог по достоинству оценить место, куда попал. Сдав на руки своему другу горе-туриста и попросив оказать мне помощь, инструктор быстро удалился. Мой друг Вовка не покинул меня, очевидно, предпочтя трудный поход прозябанию в селе возле искалеченного товарища.

Другом нашего инструктора оказался некто по имени Илья. Представительный мужчина в очках лет под сорок или чуть меньше. Он был директором туристической базы, на которой, собственно, мы с Вовкой и оказались. Понятно, что об этой базе я раньше я не слышал, как и о селе Соколином тоже. Наверное, при иных обстоятельствах, не прояви беспечность, шёл бы я по тропе дальше, не ведая об их существовании, но теперь...

– А что за дом такой? – спросил я у Ильи.

– Старый дом, – ответил он и почему-то глубоко вздохнул. Как будто бы ему было жаль того, что дом старый.

– Он необычный, – встрял в разговор Вовка, – с башней.

– Да, с башней... – согласился Илья.

Мы увидели, что явно этот человек вести с нами беседу не намерен. Может быть, ему в тягость наше соседство? Скорее всего...

Илья отвёл нас к какому-то приземистому, наполовину



ушедшему в землю каменному строению и сообщил, что до возвращения инструктора мы будем жить здесь. «Совсем неплохо... – бросил Вовка. – А телевизор здесь есть?»

– Телевизора нет, – отрезал Илья.

Через два дня я уже довольно сносно ковылял по территории приютившей нас турбазы. Вовка, привязанный ко мне, откровенно нудился, не зная, куда можно было себя деть. Рядом протекала река, но в ней не было рыбы, которую можно было бы ловить. А в горы, возвышавшиеся над Соколиным с двух сторон, ему одному ходить был скучно. Оставалось резаться в карты. Но и это занятие нам скоро наскучило.

Илья, вечно занятый своими делами, на нашу парочку вообще не обращал внимания. Хотя следует сказать, что мне он помог, даже медсестру приводил, чтобы удостовериться, что с ногой нет ничего серьезного.

А мы с Вовкой мечтали, как вернёмся на нашу южнобережную турбазу. Там остались друзья, там было весело, там море, пляж и прехорошенькие девчонки...

– Эй, ребята! – нас окликнул Илья.

Мы подошли к директору, не представляя даже, зачем могли ему понадобиться.

– Помощь ваша нужна, – сказал он.

Мы переглянулись. Вовка кивнул головой, мол, согласны, а я тут же уточнил:

– А что делать надо?

Илья повёл нас в дом с башней, бросив на ходу:

– Сейчас сами всё увидите.

Он открыл какую-то боковую дверь и вошёл в цокольный этаж. Мы последовали за ним. Только сейчас вдруг бросилось в глаза, как добротно сложены стены и вообще веет чем-то старинным, необычным. Но своими впечатлениями я поделиться не успел.

– Вам всё равно ещё дня три здесь валять дурака, – сказал Илья, – а так – хоть разомнётесь немного...

Он отвёл нас в какую-то ободранную комнату, в одном углу которой была вырыта яма.

– Её надо углубить точно по размеру, который уже сделан, – сообщил Илья.

– Углубить насколько? – осведомился Вовка.

– На полметра.

– И всё?

– И все, – Илья утвердительно кивнул головой.

– Мы-то думали! – невольно вырвалось у меня.

Илья усмехнулся.

– Насколько я понимаю, копать будет Володя, а ты, Кирилл, лишь морально поддерживать друга.

Кстати, Кирилл – это моё имя. Или, если сокращённо, – Кир. Но последнее, это так, для друзей...

– Я тоже буду копать! Нога почти не болит, – воскликнул я.

– Ну-ну, – остудил меня директор, – не петушишься!

И тут же добавил:

– Никаких планов я не ставлю. Сколько сделаете, столько

и будет. Главное, чтобы сами целы были...

Вовка понимающе кивнул, мол, мы и сами не собираемся изводить себя трудом. Так, лишь бы мышцы подкачать...

Работа закипела. Вовка копал и высыпал землю в ведро. А я выносил её на улицу, где куча добытого нами грунта становилась всё больше и больше. Несколько раз приходил Илья и молча наблюдал за нами. Я вытирал ладонью пот со лба и делал вид, будто бы мне тяжело. Илья хмурился и уходил.

В очередной раз Вовка не выдержал.

– И зачем здесь нужна яма! Бассейн здесь собираются делать, что ли?

Илья улыбнулся. Кстати, в первый раз за всё время нашего знакомства.

– Нет. Трубы проведём.

– Трубы, трубы... – пропел я, подхватывая очередное ведро с землёй. – Зачем здесь трубы?

Директор с удивлением посмотрел на меня.

– Хм... Я тоже говорил, что не нужны...

Его слова я уже услышал, выходя на улицу. Поэтому уточнить не успел, кому он говорил и почему его вынудили всё-таки копать эту яму. В советское время был такой веский довод: надо! Поэтому просто копай и не рассуждай, если надо...

Когда я вернулся в прохладный полуэтаж, то увидел беседующих Илью и Вовку. Они уселись на плоский камень, устроив нечто вроде перерыва.

– Ты слышал! – увидев меня, воскликнул Вовка. – Оказывается, этот дом – вовсе не дом, а настоящий замок. И принадлежал он...

Мой друг запнулся и тут же беспомощно защёлкал пальцами правой руки.

– Юсупову, – подсказал Илья.

– Вот! Юсупову, – быстро повторил Вовка.

Я, конечно же, не мог слышать того, о чём только что говорили Илья и Вовка. Но то, что это не простое здание, я уже и так догадывался. Слишком необычная конструкция, да и сами стены... Там, где облупилась штукатурка, была хорошо видна кладка из камня, обработанного вручную. Качество этой кладки, идеальная подгонка камня друг к другу и некоторые другие «мелочи» заставляли думать о том, что здесь трудились мастера-каменщики высокого уровня. Чем-то эти стены походили на те, что я видел на турбазе «Кичкине», бывшей когда-то великокняжеским дворцом. Я с Вовкой туда ходил к знакомым ребятам, так что мог сравнить...

– А кто такой этот Юсупов? – спросил я.

– Ты не знаешь? – удивился Илья.

– Нет, – признался я и посмотрел на Вовку. – А ты?

Мой друг лишь плечами повёл:

– Откуда...

– Мы же в Крыму не жили... – извиняясь, добавил я. – Откуда нам знать какого-то Юсупова.

Илья лишь руками развёл.

– Что я могу добавить...

Он удручённо посмотрел на яму.

– Ладно, копайте. У вас это хорошо получается.

Вечером, когда мы уже порядком устали и уже собирались выбраться из своей ямы, вновь пришёл Илья.

– Ого! – Он искренне удивился. – Да вы почти закончили работу.

– Немного осталось на завтра, – с интонацией заправского землекопа важно сказал Вовка.

А я лишь хихикнул.

Илья, очевидно, оценил наш трудовой порыв и решил как-то отблагодарить двоих добровольных помощников.

– Вот что, ребята! Вижу, вы серьёзные люди. К тому же интересуетесь историей...

Я с удивлением посмотрел на Вовку. Лично я историей не интересовался. Может быть, мой друг как-то проявил директору свой несуществующий интерес? Но Вовка молчал. И глаза его были от усталости пусты.

– Сейчас я отведу вас на ужин, – продолжил Илья, – а затем мы вместе совершим экскурсию по замку Юсупова. Ну как, согласны?

Вовка расплылся в улыбке.

– Согласны!

А моё сердце вдруг учащённо забилося. Но отчего? Я же историей не интересуюсь. Я интересуюсь архитектурой и строительным делом. А это не одно и то же. Впрочем, иногда

одно с другим пересекается. Как и в сегодняшнем случае.

– А здесь привидения есть? – спросил я.

Илья рассмеялся.

– Нет. Точно – нет. А вы что, верите в привидения?

Я отрицательно мотнул головой.

– Конечно нет. Это я так, на всякий случай спросил.

Илья пристально посмотрел на меня и хмыкнул.

Уже когда мы ужинали, Вовка всё время поглядывал на директора, а затем, очевидно не выдержав, спросил:

– Я не могу понять. Сейчас все базы отдыха и санатории заполнены до горлышка. Яблочку негде упасть. А здесь – ни души. Почему здесь нет туристов?

Илья снова вздохнул.

– Увы.

– Что «увы»? – не понял я.

– Турбаза доживает свои последние дни.

– Как?! – вырвалось у Вовки. – Её закрывают?

– Уже закрыли. Здесь будет... Точнее, уже есть – интернат для детей. Дело нужное, спору нет.

– А почему вы говорите с таким сожалением? – удивился я.

Илья нахмурил брови.

– Я проработал здесь почти пятнадцать лет. Не представлял себе иного места для жизни. А вот теперь приходится передавать дела другому человеку.

– Почему же вас не оставляют в интернате?



Илья вздохнул.

– У меня нет соответствующего образования. Это правда.

– Ну, а если не директором, – не сдавался я, – а завхозом или ещё кем-то?

Илья хлопнул себя по колену.

– Это уже не от меня зависит. К тому же я другого склада человек. Но, кажется, мы заболтались. Скоро стемнеет, а мне ещё вам экскурсию проводить. Поторапливайтесь!

Мы быстро доели кашу с тушёнкой, запили сладким чаем с хрустящим печеньем и почувствовали, как новая энергия входит в наши молодые тела.

– Сейчас бы на танцы... – мечтательно протянул Вовка. – На нашей турбазе скоро начнутся танцы.

– Ага, – согласился я, – танцы...

Танцы я не очень любил. Но там было много моих сверстников и сверстниц. И вечера пролетали весело. Не то что здесь...

Вскоре мы подошли к дому, который теперь стал нам известен как замок Юсупова. Илья провёл нас по широкой лестнице к центральному входу и открыл тяжёлую двойную дверь. Я обратил внимание не необычность этой двери, покрытой деревянной резьбой, возможно, восточного характера.

– А этот Юсупов, – спросил я директора, – был кто по национальности?

Илья на секунду остановился и бросил на ходу:

– Кажется, русским... А что?

– Нет, ничего.

В этот момент моё внимание привлекло большое витражное окно, в центре которого был явственно виден глаз. А за окном виднелась куча земли, которую мы выволокли из ямы.

– Это глаз? – уточнил я.

– Глаз, – быстро ответил Илья.

– А зачем он здесь? – тут же спросил Вовка.

– Символ, – пояснил Илья и добавил: – Символ данного места.

Я внимательно посмотрел через этот глаз на кучу грунта, которую сам наносил, и, конечно же, ничего не понял. Витражный глаз молча «смотрел» на этот грунт, не добавляя к сказанному Ильёй никакой новой информации.

Заметив наше замешательство, директор пояснил:

– Раньше село Соколиное имело иное, древнее название – Коккозы. Сейчас так называется речка, которая течёт рядом с нашим замком. Так вот «коккоз» переводится с тюркского как «голубой глаз». Теперь понятно?

– Понятно, – сказал Вовка, – они перенесли название на окно, чтобы и замок стал символом этого места.

Илья с удивлением посмотрел на Вовку.

– Ты молодец! Быстро схватываешь суть.

Я же вновь стал рассматривать через окно свою кучу земли, обращая внимание на то, как она видоизменяется в зависимости от угла моего зрения на этот необычный витраж.

Почему-то в этот момент мне пришло в голову, что Илья нам недоговаривает всей правды. То ли он не доверяет нам, то ли чего-то опасается, то ли не верит сам в то, что ему самому известно.

Моё сердце бешено заколотилось, как и в первый раз, когда я рассматривал каменную кладку замка. Что такое... Я быстро потёр ладонями виски и, увлекаемый Ильёй, пошёл за ним по гулким переходам замка. Странное состояние странного вечера всё время не отпускало меня.

Директор водил нас по этажам, переходя из одной комнаты в другую. Наконец мы поднялись по крепкой деревянной лестнице на самый верх, оказавшись на видовой площадке смотровой башни. Отсюда вся округа выглядела по-иному, чем в действительности. Речка Коккозка казалась значительно ближе, а шум её перекатов – громче и величественнее. Деревья парка – не такими могучими, каковыми выглядели снизу. А куча земли, которую мы насыпали, и вовсе ничтожная. А я так старался, целый день таскал грунт из ямы!

– Красиво как! – невольно вырвалось у Вовки.

Я покосился на друга. Впервые в жизни услышал от него такие слова. Почему-то мне казалось, что в нашем возрасте восторгаться красотой природы было верхом неприличия.

Отойдя в сторону, я стал внимательно рассматривать громадные горы, которые высились справа и слева от урочища, по которому протекала Коккозка. Моя фантазия рисовала в скальных выступах морды исполинских зверей, которые с высот рассматривают трех невзрачных человечков, забравшихся на башню. Отвлёкшись, я упустил из виду директора, а когда вновь вспомнил о нём, то услышал лишь конец фразы: «...зелёная черепица ярко отсвечивала на солнце».

Я старался увидеть, где была зелёная черепица, то таковой нигде не оказалось. Поэтому мне пришлось переспросить у Ильи, где он видит такую черепицу. И вообще, бывает ли она зелёного цвета. Директор покосился на меня:

– Чем ты слушал!

Но тем не менее в двух словах повторил смысл сказанного. Оказалось, зелёной была крыша самого здания. А эту черепицу делали в одном из ближайших сёл местные жители.

– А вы её сами видели? – спросил Вовка.

– Нет, – признался Илья, – её давно нет.

– Откуда же известно, что она здесь была? – наивно поинтересовался я.

Директор от подобного вопроса громко кашлянул.

– Ну, вы даёте! Это есть и в архивных документах, и в воспоминаниях людей, видевших её. Да что видевших! Я лично

знаю одного человека, который строил этот замок. Он-то уж врать не будет. Зачем ему...

В этот момент я почувствовал, как Вовка ущипнул меня за локоть, мол, зачем задаёшь глупые вопросы. Впрочем, я и сам понял, что опростоволосился, и решил впредь быть осторожней.

Илья покосился на часы, что означало лишь одно – пора заканчивать экскурсию. К этому времени солнце уже село за горы, и в ущелье стало быстро темнеть. Я думал, что уже через минуту-другую окажусь во дворе и мы с Вовкой побредём в свою опочивальню пить чай, но...

– Я решил вас угостить чаем, – сказал Илья, – здесь, в замке.

Вовка, который вообще ел много, с радостью согласился. Я же подумал о том, как иногда сходятся желания людей, если они в данный момент находятся на одной волне. Очевидно, сейчас мы с Ильёй и пребывали на этой самой волне...

Директор отвёл нас в самую красивую комнату, которую лучше всего назвать залом. Сам же он именовал её гостиной. Особенность комнаты заключалась в том, что потолок был выкрашен различными красками. И синие прямоугольники его перемежались с бесконечными меридианами и параллелями золотых тонов. Кроме того, примыкающие к потолку верхние части стен были расписаны в каком-то старом стиле. Получалось очень красиво, и на этот потолок можно было смотреть очень долго.

– Нравится? – спросил Илья.

Я молча кивнул головой, а Вовка уточнил, как часто приходится освежать новой краской всю эту красоту. Директор на мгновение снял очки и виновато ответил:

– К нашему стыду реставрационные работы здесь не проводились ни разу, хотя кое-где краска уже отстала...

– А какой это стиль, – уточнил я, – древнерусский?

– Нет. Здесь мотивы восточные... – быстро ответил Илья.

Явно он торопился и больше беседовать с нами не хотел. Быстро попив чаю, мы с Вовкой засобирались в свою ночлежку. Впечатлений и так было сверх нормы. И голова просто кругом шла. К тому же стала чувствоваться физическая усталость от напряжённого до предела дня. Моя нога тоже побаливала, так что хотелось как можно быстрее лечь и блаженно растянуться на кровати.

Пожимая на прощание руки, Илья вдруг сказал:

– Завтра меня не будет, я поеду в Симферополь. Так что вы уж сами здесь...

– Хорошо, – сказал я, – всё будет в порядке. Вашу яму дороем.

– Дороем! – пообещал Вовка.

На том и расстались.

Но ещё долго нам с другом не спалось. Мы рассуждали о превратностях судьбы, которая занесла в замок Юсупова, о том, как раньше люди жили в подобных больших зданиях, где можно попросту заблудиться. Я был благодарен, что уда-

лось рассмотреть этот замок изнутри и изучить его конструкцию более пристально, чем дозволялось стороннему наблюдателю.

Вовка вдруг сказал:

– А знаешь, я бы хотел узнать об этом Юсупове. Какого он роду, чем занимался...

– Да чем занимался! – огрызнулся я. – Помещиком был, вот и всё. Ничем не занимался.

– Ну, нет, – гнул своё мой друг, – простой помещик такой замок не отгрохает. Здесь нужен приличный капитал.

Я согласился. Конечно, чем-то он занимался. Были у него какие-то заводы или промыслы, откуда черпались рубли, и немалые.

– Наверняка, – продолжал Вовка, – на стенах замка висело много картин.

– Угу... – согласился я. – И что из того? Теперь их нет.

– Нет, – согласился Вовка, – а всё унесли. Илья рассказывал, что после революции отсюда вывезли всю мебель.

– Вывезли... – прошептал я, крепко засыпая.

Вовка что-то ещё говорил, но я его уже не слышал. Откуда-то из-за горы вывалилась огромная луна, и в комнате сразу же стало светло. Через небольшое окно были хорошо видны кроны деревьев, которые склонились к земле и жадно пили прохладный воздух горного ущелья. Сентябрь в Крыму прекрасен не только днём, но и ночью.

На следующее утро мы проснулись очень рано. Уж не знаю почему, но Вовка предложил пойти и искупаться в Коккозке. Я согласился, хотя прежде такого желания у меня не было. Искупавшись, тут же почувствовал необыкновенную бодрость и прилив сил. Надо же... Сам себе удивился. Я ведь не любитель холодной воды.

Вскоре мы вновь взялись за лопаты и ведро, решив как можно скорее справиться с заданием Ильи и быть свободными. Вовка работал как заведённый, и я с трудом успевал вытаскивать тяжёлые вёдра на улицу. Земельная куча росла всё больше и больше. Почему-то вдруг стало интересно взглянуть на неё через витражное окно с голубым глазом. Я подошёл к той части замка, откуда витраж был прекрасно виден, и стал внимательно рассматривать его снизу. Отсюда он не казался таким эффектным. Однако как всё изменчиво в зависимости от ракурса или, образно говоря, «от точки зрения». Или точка зрения человека формируется в зависимости от того, с какой стороны мы видим тот или иной предмет? Это вопрос.

Раздался приглушённый крик Вовки, и я, спохватившись, побежал с пустым ведром к нашей яме.

– Где ты ходишь?! – взвился мой друг. – Я не намерен торчать здесь весь день.



Я виновато подставил ведро.

– Сыпь!

Вскоре мы достигли нужной глубины, и Вовка мог с чистой совестью вылезать из ямы. Я уже хотел подать ему руку, но в этот момент мой друг решил поставить жирную точку на нашей работе. Он взял в руки лом, которым, кстати, почти и не пользовался, и с силой вонзил его в землю.

– Всё! – закричал Вовка. – Шабаш!

Лом легко вошёл в грунт и звякнул обо что-то твёрдое.

Вовка с удивлением покосился на него.

– Не понял...

Я тоже услышал странный звук и предположил:

– Камень, наверное.

Вовка задумался.

– Странно... Здесь везде была земля с мелкими камушками, никаких больше камней я не встречал...

Он вытащил лом и, взяв в руки лопату, стал быстро копать землю. Замысел его было понятен. Я молча наблюдал за Вовкой. Углубившись на полштыка, он, действительно, обнаружил камень. Он был плоский, что для меня сразу же показалось подозрительным.

– Такое ощущение, – предположил я, – что мы наткнулись на пол, который уложен каменными плитами.

Куча земли возле замка росла всё выше и выше, а мы всё расчищали открывшиеся нам каменные плиты, пытаясь понять, на что же мы натолкнулись в недрах земли. По всему

выходило, что это действительно уложенный плитами каменный пол. Но с какой стати его сверху засыпали таким толстым слоем земли?

У меня вдруг мелькнула мысль – попытаться расшатать одну из плит, благо ломик у нас был. А Вовкиной силе любой бы позавидовал. Плиты были около восьмидесяти сантиметров в длину и сорока в ширину. Так что приподнять, точнее, подковырнуть её вполне было в наших возможностях. Я подумал, что под этим полом может что-то находиться, раз уж его так тщательно замаскировали толстым слоем земли. Вовке моя идея понравилась, и с удвоенной энергией он принялся за дело.

Вскоре плита поддалась, и он сумел её приподнять. Я тут же сунул в образовавшуюся щель лопату, чтобы плита не встала на прежнее место. Вовка снова поднажал ломом, и наконец общими усилиями мы перекантовали её на соседнюю плиту, аккуратно уложив сверху.

Наши «титанические усилия» не были напрасными. Под поднятой плиткой оказалось нечто! Точнее – там ничего не было. Обыкновенная пустота.

– Это же колодец! – воскликнул Вовка.

Я решил бросить в него камень, чтобы узнать, есть ли на дне вода. Но спустя некоторое время, когда глаза привыкли к темноте, мы уже смогли рассмотреть, что конкретно находится под плитой. Там находилась лестница, уходящая куда-то вбок. Но попасть на неё казалось делом весьма затруд-

нительным.

Пришлось выковыривать ещё одну плиту. И лишь после этого на лестницу вполне можно было спуститься, не поломав себе ноги.

— Кир! — присвистнул Вовка. — Так это же подземный ход. И он куда-то ведёт...

— Само собой, — согласился я.

— Надо сказать Илье, — продолжил мой друг.

— Но он же в Симферополе, — я остудил его.

— Подождём, пока вернётся, — резонно заметил Вовка.

Мы решили пообедать и побрели в приютивший нас каменный дом. С его противоположной стороны находилась сторожка, и Вовка спросил у всегда дежурившего охранника, не вернулся ли ещё директор. Ответ нас удивил. Оказалось, Илья приедет только завтра к вечеру. А нам-то он говорил...

Наскоро поев, мы бросились в замок, твёрдо намереваясь проникнуть в подземелье, без дозволения свыше. Раз уж так складывалась ситуация...

Мы прихватили с собой фонари и свечи, которые валялись в наших рюкзаках и предназначались для семидневного похода. Брали их для других целей, а оказалось, для случая, который происходит крайне редко. Мы открыли подземный ход, да какой!

Ступени вели под замок. И я с содроганием сердца сделал в темноту первый шаг. Луч фонарика осветил кирпичные стены и арочный свод, которые показались мне доброт-

ными и вполне надёжными. Тут же обратил внимание на сам кирпич. Он был красного цвета, но тоньше, чем современный, и внешне казался даже плотнее и крепче ныне производимых кирпичей.

– Как там? – сверху послышался голос моего друга.

Я лишь ответил:

– Спускайся, всё нормально.

Мы двинулись вглубь, удивляясь качеству кладки, ровности стен и идеальной чистоте в подземелье. Как будто кто-то провёл капитальную уборку перед встречей с нами. Вовка забеспокоился.

– А вдруг здесь привидение живёт? Как считаешь?

Я резонно заметил, что Илья уверил нас, будто бы в замке никаких привидений нет. А ему, как директору, можно верить.

– Так то ведь в замке... – протянул Вовка. – А это – под землёй.

Я остановился, поражённый логикой моего друга. А ведь Вовка прав. Илья о подземельях вообще ничего не знает. И что нас ждёт впереди...

Но возвращаться назад было бы глупо. Да и пахло это малодушием. А нам ли, молодым, сильным и не верящим ни в какую потустороннюю силу, бояться? И мы смело двинулись дальше.

Но долго идти нам не пришлось. Через несколько метров ход раздвоился. И предстояло принять решение, по какому из них идти дальше. Наобум пошли вправо. Становилось холодно, и сырые стены кое-где были покрыты серым налётом.

– Куда мы идём? – спросил Вовка.

Я остановился. В самом деле, куда? Ход вёл всё дальше и дальше, и впереди виднелась лишь чёрная пустота. У нас возникла мысль, что этот подземный ход прорыт на случай, если владельцам замка надо скрытно уйти из него, а точнее – бежать в случае смертельной опасности.

Мы вернулись к развилке и двинулись по второй подземной ветке. Она резко заворачивала куда-то вбок, причём сам проход становился уже. Очевидно, это было второстепенное ответвление, которое служило для вспомогательных целей. И мы уже хотели повернуть назад, но...

Вовка первым увидел боковую нишу и тут же осветил её фонариком. Луч скользнул по кирпичной стенке и уткнулся в какой-то огромный камень, преграждавший дальнейший ход.

– Это обвал? – уточнил я.

Вовка подошёл поближе и рукой ощупал камень.

– А ведь он мягкий... – удивился мой друг. – А ну-ка, Кир, посвети и ты.

Я подошёл поближе и теперь явственно увидел, что это вовсе не скальная глыба, а...

Вовка нагнулся и, подцепив пальцами нижний край «камня», резко дёрнул его вверх. Как фокусник, он содрал с глыбы «кожу» — обыкновенную серую мешковину, — и мы увидели, что под ней находятся какие-то ящики, лари и короба. Мешковина служила лишь прикрытием от пыли, а мы чуть не приняли её за камень. Могли бы и дальше пойти в неведении...

Я опешил, а мой друг только и повторял: «Ты только посмотри, ты только посмотри...» Луч фонаря упорно высвечивал найденные нами подземные сокровища.

— Сколько здесь всего, — наконец вырвалось из моей груди.

— Кир, как думаешь, — спросил Вовка, — что в этих ящиках?

Я усмехнулся.

— Ясно что. Юсупов припрятал от большевиков свои драгоценности.

Вовка неожиданно заявил.

— Наверняка здесь должно быть коллекционное вино!

— Может, и прятал...

Мы аккуратно стянули мешковину и бросили её у стены. И в этот момент я заметил, что поодаль, в продолжение ниши, стоят какие-то укрытые мешковиной ящики.

— Вовка, смотри, — глаза мои загорелись, — там что-то есть ещё.

Мы добрались до этих ящиков и стащили с них покрывала. Вместо ящиков наши фонари высветили небольшие диванчики, или пуфы. Я приподнял один из них – лёгкий. Вовка разочарованно отошёл в сторону. Всего лишь деревянная мебель!

И зачем её так тщательно прятали? Какая в ней может быть ценность? Мебель в сырых подземельях испортится и быстро сгниёт. Наверняка сейчас на неё уже опасно садиться, того и гляди, развалится под тяжестью человека.

– Странное желание спрятать в таком месте эти диваны, – сказал я.

Вовка согласился со мной, а затем добавил, что этот Юсупов наверняка чем-то руководствовался, он ведь не был дураком. Я с доводами друга согласился и даже сделал предположение, что хозяин замка рассчитывал очень быстро вернуться обратно и забрать свои сокровища. Вот не особенно и заботился о подземной сырости.

– Он думал, что революция «лопнет» и вновь установится царский порядок? – уточнил Вовка.

– А почему бы нет...

Мы оставили диваны в покое и приступили к изучению основногоклада. Я первым вскрыл верхний короб, в котором оказались книги.

– Книги... – разочарованно протянул Вовка.

Вовка посветил фонариком, и мы рассмотрели некоторые из них. Книги были очень толстые, обложки выполнены из

тёмно-коричневой или почерневшей от времени кожи. На некоторых имелось тиснение и металлические вставки. Все кнопки защёлкивались с помощью латунных, возможно медных скоб. Я полистал некоторые из них, но ничего не понял. Одни были писаны восточной вязью, а другие – по-древнерусски.

Положив книги на место, мы аккуратно закрыли короб и, приподняв, унесли его в сторону, чтобы не мешал. Под ним лежала небольшая, даже можно сказать, плоская коробка, у которой одна из боковых стенок оказалась повреждённой. Почему-то я подумал, что в ней находится шкатулка с драгоценными камнями. Поэтому коробку я открывал крайне осторожно.

– Фу ты! – выкрикнул Вовка. – Здесь тоже книги...

Действительно, в ней в два ряда были уложены книги корешками вверх. Их формат был небольшой и напоминал тот, в котором в советское время издавали поэтов. Может быть, и это тоже стихи?

Я вытащил одну из книг и открыл на первой странице. Название было напечатано на одном из западноевропейских языков. Открыл в середине. Обычный текст, стихов нет. Всмотревшись в строчки, убедился, что это не английский язык, который мне немного знаком. И не немецкий, с его некоторыми, характерными лишь для него, начертаниями букв. Возможно, текст написан по-французски?

Вовка же обратил внимание, что все корешки книг вы-



полнены в одном стиле. У него сложилось мнение, что это либо собрание сочинений одного и того же писателя, либо коллекция книг по одной теме. Спорить с моим другом я не стал, наверняка он прав.

Мы быстро закупили ящик и снесли его в придачу к первому с древними книгами. Конечно, наши находки были интересны, но в тот момент для нас они не представляли какой-либо ценности. Хотелось найти что-нибудь посолидней, значимей, а книги и замшелые диваны – это так, для любителей старины.

Следующей нашей находкой был очень странный плоский деревянный ларец. Мы долго не могли его открыть, хотя никаких замков здесь не было. Лишь спустя какое-то время кто-то из нас догадался поискать секретную кнопку. Таковая в действительности оказалась в виде декоративного латунного украшения, устроенного на верхней крышке. В тот же миг ларец открылся, да как чудно! Верхняя крышка распалась на две половинки, которые можно было раскрыть в обе стороны, как это случается с обыкновенной книгой. Мы так и поступили, ожидая увидеть сюрприз. Но то, что открылось внутри, нас откровенно разочаровало.

Внутренностями этого ларца была... книга. Ещё одна! Собственно, сам ларец, как мы теперь догадались, представлял собой не что иное, как обложку этой самой книги, только выполненную в таком индивидуальном, можно сказать, эксклюзивном виде. Для любителей собирать подобную ли-

тературу, конечно, этот экземпляр представлял определённую ценность. Но, увы, не для нас. К тому же прочесть хотя бы слово из этой диковинной книги мы не смогли. Она оказалась на арабском языке. Лишь на первой странице лежал вкладыш на сероватой бумаге. На нём красивым почерком было выведено: «Свод смысла и правил». А строчкой ниже: «Философский трактат. Основан на восточной мудрости».

Я покосился на Вовку.

– Ты философией интересуешься?

– Нет, – честно сказал мой друг.

Мы закрыли и эту книгу, а затем отнесли её к другим, уже просмотренным нами коробам.

Наши исследования продолжились на следующий день. Предыдущим вечером мы разобрали лишь верхнюю часть коробов, укрытых Юсуповым от чужих глаз на долгие годы. К сожалению, для нас ничего интересного обнаружено не было.

Может быть, именно поэтому желание отыскать настоящий клад подогревало наши силы.

По наивности ни я, ни мой друг не задавались простейшим вопросом: а те ли мы люди, которым дозволено копать-ся в чужих тайнах? И разве хотя бы что-то объединяет нас и этого, нам абсолютно неизвестного хозяина замка? Но чрезмерное любопытство, а также охотничий азарт владели в тот момент жизни нашими помыслами.

Надо сказать, что прервать наши вечерние изыскания помешала нам не только усталость и позднее время суток, но и возникшее состояние тревоги. Как будто кто-то наблюдал за нами и оценивал каждое произнесённое слово и каждое наше действие. Причём оценивал в явно невыгодном для нас свете. Что, естественно, стало отражаться на нас самих.

Скорее всего, поэтому все свои последние поступки в под-земелье я помню смутно. И не всегда готов поручиться, что поступал верно. Например, когда мы уже уходили, я прихва-тил с собой несколько документов, которые мы обнаружили

в только что вскрытом ящике. Зачем я это сделал? Якобы для того, чтобы изучить их на свежем воздухе. Но поужинав, я на них даже не взглянул. А утром сгрёб их в кучу и отнёс обратно. Какая же здесь логика?

Вовка только посмеялся, мол, плохой из меня историк. А я и не возражал. В самом деле, то, что я так легкомысленно прихватил, оказалось амбарными книгами, в которые заносились данные о расходах, какие-то сметы и прочая калькуляция хозяйственной деятельности. Наверное, эти журналы служили своеобразным отчётом о проделанной работе. Непонятно только, зачем их требовалось так тщательно прятать. И от кого?

Мы с удвоенной энергией принялись изучать вскрытый накануне короб. Но, не найдя в нём ничего интересного, отволокли его в сторону. А вот следующий ящик с бумагами оказался прелюбопытным. Здесь находились большие альбомы с фотографиями. Сверху эти альбомы были покрыты дорогим ворсистым плюшем, который придавал тому, что находится внутри, помпезность и излишнюю значимость. Впрочем, может быть, я в чём-то и ошибаюсь.

Чтобы экономить батарейки наших фонариков, мы решили взять несколько альбомов и вынести их из подземелья на улицу, чтобы рассмотреть фото при дневном свете. Сказано – сделано.

И вот мы сидим на каком-то бревне возле замка и с удовольствием листаем старые альбомы. Надо сказать, нас сра-

зу же поразило высокое качество фотографий и то, как была хорошо видна каждая деталь, каждая мелочь. Я и сам увлекался фотографией, но что-то не припомню хотя бы один такой удачный снимок.

Мы рассматривали старую жизнь, удивляясь всему, что было когда-то запечатлено для истории. Здесь было много сцен охоты: олени, кабаны, привалы, охотничьи собаки и даже соколы. Мой отец тоже был охотником и, судя по приносимым домой трофеям, вполне удачливым. Так что я был в курсе происходящего. Удивляло лишь то, как всё повторяется. Правда, уже без собак и соколов. Впрочем, одно время и у нас была охотничья собака, но только одна.

На нескольких фото в объектив фотоаппарата попадал и замок, возле которого мы сейчас сидели. Можно было даже встать и найти точку, где стоял фотограф, а также представить изображённое на снимке, но уже перенесённое в наши дни. Впрочем, я начинаю фантазировать...

На других снимках можно было увидеть роскошную жизнь дореволюционной аристократии. Балы, богатые украшения дам, неизвестные нам дворцы, какие-то приёмы. Словом, жизнь, которую мы никогда понять и оценить по достоинству не смогли бы.

Конечно, листая страницы альбомов, мы не могли не обращать внимание на запечатлённых на фото людей. Некоторые из них повторялись, и не раз. Здесь был усатый мужчина, всегда смотревший в объектив фотоаппарата грозно и с

какой-то долей превосходства. Может быть, это и есть сам Юсупов?

Ещё мы обратили внимание на очень красивую женщину. Я даже залюбовался ею и вслух произнёс: «Блистательный мир прошлого».

– Что? – не понял Вовка.

– Да так, ничего...

Я листал дальше, но уже без прежнего интереса. Вся эта роскошная жизнь стала тяготить нас. Лишь пару раз я останавливался и пристально вглядывался в лицо одного бородатого офицера. Фотограф неизменно ловил момент, когда можно было его заснять. Вот ему преподносят хлеб-соль, вот он сидит за столом, вот на пикнике, а вот рассматривает охотничьи трофеи. Было видно, что этот офицер имел какое-то отношение к замку или его хозяину.

Чем больше я вглядывался в черты этого человека, тем мне всё больше казалось, что я его уже где-то видел. Своими размышлениями я поделился с Вовкой. Мой друг лишь рассмеялся.

– Может быть, это твой собственный дед!

– При чём тут мой дед? – сердито возразил я, а затем подсунул Вовке одно из фото.

– Смотри сам. На кого он похож?

Вовка уставился на фото и долго его изучал. Я показал ему ещё несколько других снимков, так сказать, для сравнения. Мой друг утвердительно кивнул головой.

– Да, он похож на какого-то артиста... По-моему, он играл этого...

Вовка вдруг посмотрел на меня и тихо сказал:

– Кир! Это же царь.

– Какой царь? – так же тихо спросил я.

– Ну как, какой. Последний русский... Николай...

Я быстро подтянул к себе альбом и стал внимательно смотреть на фото. Действительно, похож...

– Выходит, он был здесь? – с сомнением в голосе спросил я.

– Выходит... – Вовка неопределённо пожал плечами.

– Хм... Не такой уж этот Юсупов простой человек, если царь к нему вот так запросто ездит.

Внутренне у меня стало меняться отношение к хозяину замка. Он оказался заядлым охотником, коллекционером редких книг и другом царя. Ого-го! Да, личность эта непростая, как минимум. И моё первоначальное представление о нём как о помещике или промышленнике давало трещину. Но вслух сказал совсем иное:

– И с чего это царю дружить с этим Юсуповым. Как думаешь?

Вовка вздохнул.

– Может быть, это и не царь вовсе. Просто похожий на него человек...

Я растерялся и не нашёлся с ответом.

Наверное, сейчас, по прошествии нескольких десятилетий после памятного погружения в подземелья, когда я смог, наконец, узнать родовое древо Юсуповых, уместно привести основные родовые линии и хотя бы вкратце рассказать о самом владельце замка в Соколином.

Имя этого человека Феликс Феликсович. Так же звали и его сына, и вообще выходило, что три поколения мужчин из этой династии носили одно и то же имя. Так было вплоть до Октябрьской революции 1917 года и их эмиграции за границу. Имя Феликс с латыни переводится как «счастье». Выходит, такое счастье выпало на долю Юсуповых – быть изгнанными со своей Родины. Быть изгнанными, но не расстрелянными...

Конечно, обращает на себя внимание фамилия хозяина замка. Оказывается, она вовсе не Юсупов, а граф Сумароков-Эльстон, князь Юсупов. Нечто подобное в истории можно встретить крайне редко. Человек с тройной фамилией – почти уникум. Он носитель сразу трёх родовых линий. На нём сфокусировались три судьбы. Образно говоря, он – собиратель фамилий, приобщивший их друг к другу, выглядел словно король, который расширяет свои владения, добавляя к своему старому титулу новые, соответствующие названиям вновь приобретенных земель.



Фамилия Эльстон появилась в России в начале девятнадцатого века. Её носителем был предок Феликса Феликсовича, приехавший в Санкт-Петербург из Германии. Этот предок был внебрачным сыном германского императора. Неудивительно, что спустя какое-то время этот аристократический род соединился с родом Сумароковых, который считался в России одним из богатейших. Но двойная фамилия у деда ещё говорит нам и о том, что по мужской линии род Сумароковых иссяк. Так что такой брачный союз ещё был и спасением выдающейся фамилии, которая могла попросту исчезнуть.

Нечто подобное случилось в конце всё того же девятнадцатого века, когда Феликс Феликсович женился на Зинаиде Юсуповой. К тому времени род Юсуповых по мужской линии тоже иссяк. Зинаида была последней, носившей эту фамилию. И царской волей Феликс Феликсович добавил к своей двойной фамилии приставку «князь Юсупов».

По всему выходило, что по его мужской линии было предначертано спасти от забвения выдающиеся русские роды, давая им вторую жизнь. Подобное не каждому было дозволено и не каждому по силам вынести. Наверное, в таком усложнении фамилии и укрупнении рода присутствует невидимое на первый взгляд что-то мистическое. Будто кто-то с небес умело руководит и направляет действия главы данного семейства, заставляя делать то, что предначертано свыше, имея в виду особую, неизвестную людям цель.

В этой связи хотелось бы сказать и о самом роде Юсуповых, достойным носителем фамилии которых стал и Феликс Феликсович. Этот род появился в Московском княжестве во времена Иоанна Грозного. Именно тогда русский царь нарёк своим другом и братом ногайского мурзу Юсуфа и даже подарил ему свою собственную нательную икону, что являлось актом искреннего доверия и уважения к этому человеку.

В самом деле, для своего времени мурза Юсуф был личностью выдающейся. Он являлся достойнейшим представителем своего древнего рода, который вёл начало от пророка Али. А тот, в свою очередь, был преемником (и родственником) Магомета. Одно это возводит ветку, к которой принадлежал Юсуф, в ранг самых влиятельных и судьбоносных не только на Востоке.

Уже при государях Романовых потомки Юсуфа перешли в православие, войдя в число влиятельных боярских, а позже – аристократических семейств России. Наверное, со временем род Юсуповых стал бы многочисленным, но проклятие, витавшее над ним несколько веков из-за перемены веры, позволяло мужчинам рода проживать лишь до 26 лет (кроме одного: единственного продолжателя рода). Не удивительно, что любой несчастный случай мог вообще пресечь родовую ветвь. Что в конце концов и случилось, когда Зинаида Юсупова стала последней носительницей этой фамилии. И если бы не замужество...

У Юсуповых были многочисленные поместья и усадьбы

в самых разных местах необъятной Российской империи. В том числе несколько зданий (дворцов, замков, домов) принадлежало им в Крыму. Среди них – замок (который также называли домом охотника) в Соколином (бывшие Коккозы). Не раз бывал в нём и сын хозяина, которого также звали Феликсом, как уже было сказано выше.

Феликс Феликсович-младший оказался не только наследником огромного состояния Сумароковых-Эльстон-Юсуповых, но и носителем крови всех этих родов. В нём объединилась кровь германских императоров (по мужской линии) и кровь мусульманских воинов-правителей и пророков (по женской). Наверное, подобные «гремучие» сочетания наделяют таких людей необыкновенной судьбой и им по силам свершить то, что недоступно другим.

И, может быть, именно поэтому Феликс Феликсович-младший стал тем человеком, который превозмог гипнотические и колдовские чары Распутина и организовал убийство этого крайне неординарного и крайне опасного для России человека.

Так получилось, что именно благодаря этому поступку младшего из Юсуповых семья и осталась в истории России. И теперь многие из ныне живущих россиян фамилию Юсупов знают лишь только в связи с убийством Распутина, которое было совершено в декабре 1916 года. На самом же деле род Юсуповых нёс всегда в себе нечто такое, что до сих пор скрыто от людей. И это тайное, неизвестное постепенно

начинает проступать из глубин истории, стараясь проявиться в современном мире, засиять новыми, необыкновенными гранями, в зеркале которых вот-вот отразится нечто великое и судьбоносное для каждого из нас...

Но в те далёкие юношеские годы я абсолютно ничего не знал о роде Юсуповых. Я лишь рассматривал старые фотоальбомы, впитывая в себя иную жизнь, иное счастье, короткие мгновения чужих человеческих судеб.

Наконец Вовка первым захлопнул фотоальбом и скорее приказал, чем предложил:

– Всё! Мне это всё надоело. Давай отнесём фото на место. Сколько можно переливать из пустого в порожнее: балы – охоты, охоты – балы. Вставай, пошли!

Я безропотно подчинился, ибо и у меня самого голова начинала идти кругом. Мы быстро спустились в подземелье и уложили альбомы в их «родной» короб. Что же, теперь можно заняться изучением содержимого ещё не вскрытых нами ларей и ящиков.

Вовка по-прежнему мечтал найти бутылочку коллекционного вина и с удвоенной энергией принялся разгребать содержимое коробов. Я не предполагал, зачем это ему было надо, и втайне посмеивался над энтузиазмом моего друга. Зачем ему бутылка? Я точно знал, что Вовка вино не любит. Да и я в те годы спиртным не увлекался. Разве что для коллекции, когда можно перед сверстниками похвастаться: «Вот что у меня есть». Но с таким же успехом можно похвастаться любой другой диковиной или редкой вещью. Напри-

мер, старым компасом или кольцом с редким камнем...

Но ничего заслуживающего нашего внимания ни Вовка, ни я не нашли. Везде были только книги. В основном старинные и на языках, которыми мы не владели. Поэтому ни исторической ценности этих фолиантов, ни тем более значимости хранящейся в текстах информации мы не поняли. И если бы увидели эти же корешки на стеллажах местной библиотеки, то посчитали их лишь предназначенными для узкой группы любителей старины.

Лишь один короб привлёк моё внимание. Находился он в самом низу, и не удивительно, что к нему мы добрались в самом конце наших исследований. Короб был невзрачный, приплюснутый сверху ларями и ящиками, и потому выглядел убого. Вовка на него вообще не обратил внимания – так, барахло какое-то...

Я же откупорил ящик и, обнаружив в них документы в переплётах, похожих на амбарные книги, хотел было тут же закрыть его. Но в последний момент задержал взгляд на широкой папке в тяжёлом переплёте, чем-то похожей на фотоальбомы, которые мы уже отложили в сторону. Очередные фотоснимки из прошлого?

Я открыл папку, обратив внимание при этом, что её обложка обтянута не плюшем, а твёрдой кожей, и увидел внутри какие-то чертежи. Быстро полистал – один чертёж следовал за другим. Интересно...

Вернулся к началу папки и лишь сейчас увидел в левом

углу внутренней стороны обложки приклеенный лист, точнее, четверть листа. А на нём – текст.

Я присмотрелся и прочитал: «Чертежи и схемы проектной части подземелий». Тут же позвал своего друга:

– Вовка! Здесь по твоей части.

Вовка взял в руки папку, а я ткнул пальцем в слово «подземелий». Мой друг учился в горном техникуме, и всё, что было связано с подземельями, его интересовало.

Он посветил фонариком на один из чертежей, но ничего мне не сказал, лишь буркнул: «Темно здесь...» Я не понял, что он имел в виду. Темно в самих подземельях, где мы находились, или же смысл чертежа был для него тёмнен. Иными словами, не слишком понятен.

Тогда я предложил взять эти папки и вынести их на улицу, как мы уже делали с фотоальбомами. Вовка нехотя согласился. Было видно, что он уже потерял интерес к обнаруженному нами тайнику Юсупова, называя его «складом макулатуры». Но папки всё же взял.

Уже при дневном свете удалось лучше рассмотреть то, что прежде скрывалось в подземелье. Всего кожаных папок было три. Ещё столько же, но меньших по размеру и с тонкой обложкой, содержали деловую переписку, и в них ничего интересного обнаружить не удалось. А вот три из них, на которые я сразу же положил глаз, конечно, были прелюбопытные. О первой я уже вкратце рассказал. Вторая папка была озаглавлена: «Приложения. Рабочая часть. Чертежи и

схема. Датировка. Основные обозначения. Сводный формуляр». Для тех, кто хорошо знаком со строительным делом, такие подзаголовки говорили о многом. И мне, конечно же, захотелось в неё заглянуть. Но что я увидел?

На первой странице лежала акварель, на которой был изображён замок Юсупова. Очень красивая работа.

– А крыша-то и в самом деле зелёная, – заглядывая через моё плечо, сказал Вовка, – правду говорил Илья.

Я же вдруг подумал о том человеке, который поведал директору турбазы этот факт. Интересно было бы пообщаться с тем стариком. Особенно в свете открытых нами фактов.

Дальше в папке шли чертежи, в которых я сразу же угадал первый и цокольный этажи замка. Почему-то мне захотелось снять копию с одного чертежа, так, для наглядности. Но рисовать – это долго, да и бумаги у меня не было. Зато у меня имелся приличный фотоаппарат. Он лежал в рюкзаке, который я закинул под кровать в нашем временном убежище, представленном гостеприимным Ильёй.

Когда я вернулся со своим драгоценным «Зенитом», Вовка уже с увлечением листал третью папку.

– Быстрее иди ко мне! – кричал он и беспрестанно махал рукой.

Я уже знал Вовку. Он флегматик по натуре. Долго раскачивается, да и вообще не склонен к проявлению эмоций. Лишь что-то неординарное способно было вывести его из душевного равновесия.



– Смотри, какая папка! – ликовал Вовка. – Вот что надо снимать. А не твои дурацкие чертежи.

Он указал на знакомый нам сопроводительный лист, приклеенный к внутренней кожаной обложке. Я отложил фотоаппарат в сторону и, усевшись рядом с другом, стал читать. «Скрытое устройство садово-паркового комплекса. Подземная часть. Лазы, проходы, выходы. Символы и знаки. Внешние вехи. Практическое руководство».

– Ты согласен со мной? – ликовал Вовка.

Я утвердительно кивнул головой, хотя мысли мои в этот момент не имели ясности. Как-то всё запуталось сразу...

Я листал эту папку и всё время ловил себя на том, что не понимаю, о чём идёт речь. Какая-то игра в тайны. При чём здесь символы и знаки? Почему рядом с замком для сравнения указываются другие здания, причём расположенные не в этом селе? Я обратил внимание, что чертёжник всё время обозначал замок Юсупова значком, который напоминал глаз. Но это понятно: старинное название села – Коккозы, что означает «голубой глаз». Но зачем проводить прямую линию от этого замка в другое село, находящееся неподалёку, обозначая его значком, похожим на футбольные ворота? Или ещё один знак – в виде треугольника или пирамиды. Он находился где-то далеко на западе от Соколиного... Это если судить по составленной здесь от руки картосхеме. Что за тайнопись, что за шифр такой?

– Вовка, – спросил я, – а в Крыму пирамиды есть?

Вовка рассмеялся.

– Нет, конечно!

– А почему же здесь она обозначена?

Мой друг лишь плечами вздёрнул.

– Почём я знаю... Ты бы лучше сфотографировал. А то просидим здесь до темноты...

В моём фотоаппарате была плёнка на 36 кадров, поэтому снять все схемы и чертежи я, конечно же, не смог. Снимал выборочно, то, что казалось мне интересным. К сожалению, чутьё иногда меня подводило, и многое, как теперь оказалось, важное осталось за кадром. И тем не менее...

Когда плёнка закончилась, я закрыл объектив фотоаппарата крышкой и спрятал его в футляр. Всё! Можно папки возвращать на место. Пока мы шли в подземелья, в голове вертелось одно и то же: «...Это непростой замок. В его архитектуре и скрытых от людей подземельях заложена большая тайна». Но что это за тайна, как к ней можно подобраться? То, что мы знаем вход в подземелья, — это хорошо. Хорошо — но мало...

Привычно свернув в правый подземный ход, мы быстро нашли нашу нишу с юсуповским кладом. Впрочем, уместно ли так его называть? Скорее, с библиотекой или архивом технического содержания.

Вовка предложил сложить папки на место, а самим последовать в наш приют и подкрепиться как следует. Мол, лично он порядком проголодался. Я возражать не стал, тем более что и сам был уже достаточно голоден. Да и на сытый желудок составлять дальнейшие планы действий было бы значительно проще.

Но не успели мы упаковать папки в их «родной» короб, как где-то рядом послышался какой-то шум. Я поднял голову и явственно различил звяканье металла и скрежет затворяющихся железных дверей. А следом — щелчок, похожий на закрывающийся затвор. Все эти металлические звуки были

так пронзительны, что, казалось, проходят через сердце.

Вовка первым опомнился и, вскочив на ноги, закричал:  
– Бежим, кажется, нас закрывают!

Не раздумывая, я устремился вслед за другом. Удивляюсь даже, как это в суматохе успел захватить с собой фотоаппарат. Мы неслись назад как угорелые и спустя несколько мгновений были у лестницы, ведущей к люку из подземелий. Почему-то в первую секунду каждый из нас подумал о директоре турбазы, который вернулся и, не найдя нас, решил закрыть двери.

Лишь позже, не обнаружив Ильи и удостоверившись, что он ещё не приехал из Симферополя, мы поняли ошибочность нашего предположения. Но если бы дело было в Илье или в ком-нибудь другом!

Только сейчас, выбравшись из подземелья, мы вдруг осознали, что никаких железных засовов и вообще железных врат ни рядом, ни где-либо в замке нет вообще, не говоря уже о подземельях. Но мы же отчётливо слышали этот жуткий лязг. И он был совсем рядом!

– Что это было, Вовка? – тихо спросил я.

Но ответа от своего друга не дождался. Он лишь выразился в том смысле, что таким «нетрадиционным» способом нас попросили убратся из подземелья. Это я тоже понимал. Но вот почему это сделано лишь тогда, когда мы буквально переверорошили архив Юсупова и узнали то, что другим не было позволено. Могли бы сразу не подпускать к данному

месту...

Не сговариваясь, мы вошли в полуподвальное помещение, где прежде рыли в земле яму. Я заглянул в подземелье, но лезть туда вовсе не хотел. Скажу больше – я и к люку, который мы сами сделали, подошёл с большой опаской. Хотелось бежать отсюда как можно дальше.

– Давай закроем этот вход, – предложил Вовка.

Я согласился. И мы вдвоём, ворочая тяжёлые каменные плиты, установили их на прежнее место. Чёрный провал в прошлое был закрыт. На сердце сразу же стало легко. И тревога, поселившаяся в нас, куда-то ушла.

Вовка взялся за лопату, а я – за ведро, и за один час мы забросали плиты толстым слоем, которую тщательно утрамбовали ногами. Теперь яма выглядела так, как будто бы никто до каменных плит и не докапывался.

Вздыхнув с облегчением, мы выбрались из замка и отправились на обед. А точнее – на ужин, ибо солнце к тому времени уже уходило за горы. Выходит, мы провозились в подземельях почти целый день. Однако, как быстро пролетело время!

Забежав к охраннику, мы осведомились, не приехал ли директор. Очень уж хотелось рассказать Илье о нашем приключении. Да и вопросов к нему теперь у каждого из нас было вагон и маленькая вагонетка (любимая Вовкина поговорка). Но Ильи не было. И что он забыл в этом Симферополе?

Я хотел положить фотоаппарат обратно в рюкзак, но в

этот момент увидел на своей кровати какую-то тетрадь. Собственно, я и не увидел, а просто сел на неё сверху. Обложка тетради по цвету сливалась с тонким покрывалом, которым я ночью укрывался. Скорее всего, именно поэтому я её сразу и не заметил. Что за сюрприз?

Тетрадь была старая. Бумага сделалась – из прежде белой – мышинного цвета. А на обложке значилось: «Эмпирические отчеты». Я открыл тетрадь и увидел текст, который был написан каллиграфическим почерком. Нечто подобное мне уже сегодня приходилось видеть, когда я разбирал амбарные книги и техническую документацию. Но всё это осталось в подземельях юсуповского замка. Откуда же взялась эта тетрадь?

Вовка, увидев, с каким недоумением я рассматриваю находку, и выслушав моё пространное объяснение, вдруг хлопнул себя ладонью по лбу.

– Чудак человек! Ты же на ночь приносил стопку амбарных книг, которые утром мы положили на место, к другим документам. Очевидно, эта тетрадка была вместе с принесёнными на ночь бумагами. А утром ты случайно, когда собирался уносить амбарные книги, эту тетрадку и проглядел. Видишь, какая она неприметная...

Откровенно говоря, этот день так вымотал меня, что к сюрпризу на кровати я никакого интереса не проявил. Сунул тетрадку в рюкзак – не пропадать же ей, да и забыл на долгое время о своей находке. Тогда слово «эмпирический» мне

ничего не говорило, а если бы и говорило... Я так был далёк от всего мистического и потустороннего.

Неожиданно утром к нам на базу нагрянул инструктор, с которым мы несколько дней назад отправлялись в семидневный поход. За воротами стоял грузовик, в кузове которого сидела вся наша группа. Нам пришлось хватать рюкзаки и присоединяться к остальным туристам. Поход заканчивался, и вскоре нас ожидал южный берег и... новые приключения. Ребята в кузове смеялись, пели песни, рассказывали анекдоты. Было видно, как сильно их сдружил этот поход. На меня и Вовку теперь не обращали внимания. Поэтому и слушать нас никто не пожелал. И мы замкнулись. Ладно, пусть эта тайна останется с нами. Жаль, что Илью увидеть не удалось. Ему одному было бы интересно услышать то, что стало известно двум случайно свалившимся на его голову студентам.

Но ещё долго я явственно слышал лающий лязг затвора и скрежет закрывающихся металлических дверей. Почему нас с Вовкой выгнали из подземелья? Почему поманили и открыли щелочку в неизведанный мир, а затем грубо вытолкали прочь? А может быть, тогда ещё просто не наступило время для открытия юсуповских тайн?

# Часть II

## Архитектор Краснов

### 1

Следующий мой приезд в Крым состоялся через полгода. На короткие зимние каникулы я приехал в Севастополь, где жила тётка моего отца. Меня она всегда привечала и была рада неожиданному приезду. Но долго я у неё не задержался.

Я желал сразу же поехать на базу, где отдыхал в прошлом году, и разыскать инструктора, с которым ходил в горы. А через него выйти на Илью. Уж очень мне хотелось поговорить с этим человеком. Я чувствовал, что он знает гораздо больше о замке Юсупова, чем рассказывал нам. Да и я теперь знал столько всего!

Моё желание подогревалось не только вскрытыми предыдущим летом подземельями и обнаруженным там архивом князя Юсупова, но и ещё двумя немаловажными обстоятельствами.

Во-первых, я наконец-то прочёл тетрадку из числа тех бумаг, которые на одну ночь притащил из подземелий и которую по случайности забыл на кровати. А сведения в ней оказались прелюбопытнейшие!



Во-вторых, я проявил плёнку и сделал фотокопии тех схем и карт, которые успел переснять в прошлом году. Лишь сейчас, внимательно рассматривая их, я увидел, что тогда, в спешке, многое просмотрел, не обращая внимание на очевидные вещи. Но об этом я скажу позже...

Конечно, я пытался списаться с Ильёй напрямую. Но никакого ответа не получил. Либо он уже не работал в Соколином, либо письма мои до адресата не доходили по какой-то причине. Писал я и на адрес нашей турбазы, пытаясь разыскать своего инструктора, но и здесь результат был нулевой. Что они там, вымерли все?

И только приехав в Крым, я сумел сам во всём разобраться. Оказалось, инструктор работал на базе только в летнее время, а его домашний адрес никто открывать мне не стал, считая меня за подозрительную личность. Никакие уговоры, увы, не помогли.

На следующий день я поехал в Соколиное и, естественно, Илью там не нашёл. Он и в самом деле уволился и вернулся в Симферополь. Зато мне вернули моё же письмо, которое я направлял сюда, пытаясь разыскать этого человека. Но в Соколином мне повезло больше – здесь я хотя бы узнал фамилию бывшего директора.

А ещё через сутки состоялась встреча с Ильёй. Надо сказать, он очень удивился, когда меня увидел. Надо же, какой-то юнец сумел его разыскать! И зачем? Но когда меня выслушал, своё мнение изменил. Конечно, он тоже слышал

о подземельях, но найти их не смог. Выходит, моё случайное появление в прошлогоднем сентябре оказалось сверхудачным. Раз – и в цель.

– Ты либо счастливчик, – резюмировал Илья, – либо именно тебе предназначено свыше открыть тайны Юсуповского замка.

Я вовсе не был уверен, что «счастливчик». Поэтому склонялся ко второй части трактовки Ильёй моей миссии.

– Но почему именно мне предназначено?

Илья лишь вздохнул и развёл руки в стороны.

– Но я так мало знаю, мои силы так ничтожны... – занял я. – Без вас мне вторично в подземелья не попасть. Как же я смогу открыть тайны Юсупова?

Но Илья меня не утешил. Теперь и ему в замок Юсупова путь был заказан. Новое руководство старого директора и на дух не переносило. К тому же Илья наконец нашёл работу на одной из горных баз Приэльбрусья и уже в ближайшее время должен выехать на Кавказ.

Я искренне расстроился. По всему выходило, что наша встреча – последняя. Во всяком случае, в обозримом будущем новой не предвиделось. Да и вообще, это просто удача, что я успел застать Илью до отъезда в Приэльбрусье. К тому же в подземелья я вторично не попаду...

– Что же делать? – Я умоляюще посмотрел на Илью.

Но бывший директор лишь хлопнул меня по плечу.

– Не печалься! Жизнь – длинная штука...

Конечно, я всё понимал. Возможно, в таком деле торопиться нельзя. Но моя молодая кровь требовала действий. Знать бы только каких... Я стал лихорадочно соображать, как поступить дальше, но единственное, что пришло в голову, это спросить у Ильи, есть ли в Крыму пирамиды.

– Нет, – ответил мой собеседник, – мы ведь не в Египте живем.

Тогда я рассказал о странной схеме-чертеже из тех же юсуповских подземелий, на которой отдельные населённые пункты были отмечены значками. Тот же замок Юсупова обозначался как глаз – но это понятно, ведь старое название Соколиного – Голубой глаз. Над селом Счастливое находился значок, который походил на футбольные ворота. Над Ливадией схематично расположили корону. Здесь всё понятно – в прошлом это была летняя резиденция русских царей. А на запад от Соколиного, на весьма значительном расстоянии значилась пирамида.

– Ах вот ты о чём? – рассмеялся Илья. – Пытаешься выявить аналогии. Это похвально! Ты мыслящий молодой человек. Жаль только, не знаешь многого... На запад от Соколиного, если следовать карте, находится Севастополь, из которого ты сейчас ко мне и приехал. Выходит, там тебе и надо искать пирамиду. Хотя...

Илья на мгновение задумался, а затем произнёс:

– Хотя, кажется, я смогу тебе помочь. В Севастополе, действительно, есть пирамида. Хотя сейчас об этом факте мало

кто вспоминает.

Илья рассказал мне, что на Северной стороне, куда можно попасть, переплыв на пассажирском катере бухту, есть храм, который внешне очень напоминает пирамиду. Вполне вероятно, что те, кто рисовал её на схеме, имели в виду Севастополь или же сам храм. По крайней мере, никаких других пирамид он не знает.

Я удивился. Надо же! Я ничего об этом храме не слышал. Неплохо бы наведаться туда. Илья лишь головой кивнул.

– Скажи, – поинтересовался я напоследок, – а почему над Счастливым изобразили футбольные ворота? Насколько я знаю, сто лет назад этот вид спорта в России был очень слабо развит. И что футболистам делать в этой горной глуши вообще? Да и о спорте ли здесь идёт речь?

Илья лишь отрицательно завертел головой.

– Здесь я тебе не помогу, увы. Сам разберёшься. Если сможешь.

И добавил:

– В Счастливом я бывал, и не раз. Там, кстати, живёт один старичок занятный. Он был из числа строителей юсуповского замка.

– Это тот, кто рассказывал о зелёной крыше?

– Какой зелёной крыше? – не понял Илья.

– Ну, зелёной крыше юсуповского замка.

– А, вот ты о чём... Да, это он мне рассказывал. Но откуда тебе известна такая подробность?

Я напомнил Илье его же собственную экскурсию по замку и о том, что он сам сообщил мне этот факт.

– А я и забыл... – рассмеялся мой собеседник. – Ну, ты и цепок на память!

Он вдруг предложил:

– А знаешь, было бы хорошо с ним поговорить. Он многое помнит. Крепкий ещё дед. Ты к нему поезжай и от меня привет ему передай заодно.

Я неуверенно пообещал. На следующий день ожидался мой отъезд из Крыма. В институте начинается очередной семестр, а преподаватели к посещаемости занятий относились очень строго. И по всему выходило, что поездка в село Счастливое откладывалась на неопределённое время.

Следующий раз в Крым я смог попасть лишь в сентябре, когда у меня вновь были каникулы. И снова – по путёвке на уже облюбованную после прошлогоднего посещения турбазу. Вовка, к сожалению, поехать не смог – в это время у него была производственная практика. Зато поехал мой друг детства – Сенька. Перед самой поездкой мы приобрели кроссовки с красно-зелёным замшевым верхом. И когда вместе шли, то некоторые прохожие оборачивались, принимая нас за братьев. Такое «родство» через обувь нас весьма веселило.

У нас были и общие увлечения. И я, и мой товарищ уже несколько лет ходили на секцию штанги и всегда были в хорошей форме. Кроме того, мы любили музыку, скопив достаточное количество иностранных дисков. Не скажу, что мы считались профессионалами, но многочасовое прослушивание пластинок выработало у нас определённый слух и вкус. Уже по первым нотам каждый из нас мог определить не только исполнителя или группу, но и название конкретной песни. А если не изменит память – то и год выхода данного альбома, а то и какая по счёту эта песня и на какой из сторон диска записана.

Не удивительно, что возле нас с Сенькой стала собираться молодёжь, особенно из числа тех, кто только что приехал на турбазу. Я, как сторожил, рассказывал, где вечером устраи-

ваются танцы, где можно купить бутылочку недорогого, но хорошего крымского вина. И даже – где имеется магазин, в котором есть... кефир. Почему-то в те далёкие времена считалось зазорным рядом с базой отдыха открывать магазины и их отодвигали в сторону и прятали, как нечто неприличное. По крайней мере, в случае с нашей турбазой дело обстояло именно так.

Конечно, я разыскал моего знакомого инструктора, и он узнал меня, а также вспомнил перипетии прошлогоднего похода с досадной травмой моей ноги. Договорились, что он обязательно возьмёт меня и Сеньку в очередной поход. Я стал умолять его слегка изменить маршрут, чтобы, спускаясь из Ай-Петринского плато в Бельбекскую долину, пройти через село Счастливое.

– А мы через Счастливое и идём, – сказал инструктор, – разве ты в прошлом году этого не заметил?

Я не заметил. Но был рад новому открытию. Поход был намечен на ближайшую среду, и в моём распоряжении было три свободных дня. Чем их занять? И мы с Семёном махнули в Севастополь. Я, конечно же, хотел увидаться со своей престарелой родственницей, нанеся ей визит вежливости и порадовав рассказами о собственном житье-бытье. Но главное – хотелось попасть в храм-пирамиду, о котором рассказывал мне Илья. Неужели такой имеется на самом деле?

Из Ялты в Севастополь мы плыли пассажирским катером на подводных крыльях. В своё время такие «Кометы» и «Ме-

теоры» были весьма популярны и престижны. Но нам откровенно не повезло. На море начался шторм, и катер резко сбросил обороты. Началась настоящая болтанка. Вместо двух мы плыли четыре часа, к тому же, вступили на севастьяпольскую землю в «разобранном» виде. Обратно в Ялту мы уехали на автобусе, которые в те годы тоже, впрочем, не блистали комфортом.

Но всё это – мелочи. Главное, я действительно увидел в Севастополе пирамиду. Теперь мне даже странным кажется, что, и прежде бывая в этом городе, понятия не имел о таком рукотворном шедевре.

Почему-то я представлял себе встречу с храмом-пирамидой как сказочное действо: вокруг шастают разодетые индусы, сидят на корточках факиры, а вереницы верблюдов, гружённые тяжёлыми тюками, спускаются к ближайшему причалу.

Действительность оказалась несколько иной. Место индусов и факиров заняли строители, а верблюдов заменили самосвалы и грузовики. Оказывается, я попал на реконструкцию этого храма. Во время Великой Отечественной войны снаряд попал в верхнюю часть пирамиды и разрушил её. И таким невзрачным храм простоял несколько десятилетий, пока не пришла очередь восстановить его в первозданном виде.

Вообще-то посторонних на строительную площадку не пускали. Но я нашёл какого-то прораба и убедил его, что



мне, как будущему строителю, крайне почётно находиться рядом со своими коллегами и учиться у них, познавая мастерство через конкретные результаты их труда. Моя лесть возымела действие. И вот уже мы с Сенькой обходим храм, а затем в сопровождении всё того же прораба проникаем вовнутрь пирамиды.

К своему удивлению, оказавшись в чреве пирамиды, таковой не обнаружили. Я поднял голову и увидел... купол православного храма с мозаичной росписью. Впереди был алтарь, справа и слева – пределы. В обычных православных храмах я прежде бывал, так что общее представление об устройстве подобных культовых сооружений у меня имелось. Но вот как архитектор умудрился вписать в пирамиду христианский храм, для меня было загадкой.

В тот же миг моё сердце яростно забилося, как будто бы я прыгнул со скалы вниз. Я почему-то вспомнил, как годом раньше стоял в замке Юсупова и смотрел через глаз витражного окна на кучу вынесенной из подземелья земли. Такое же было состояние... Мне даже показалось, что между замком Юсупова и храмом-пирамидой, действительно, существует какая-то связь. Конечно, к подобному выводу я пришёл под влиянием карты-схемы, обнаруженной в известных мне подземельях. Но почему моё сердце так бурно реагирует при посещении этих мест?

Прораб попросил нас долго в храме не находиться. Мало ли, вдруг начальство нагрянет, а здесь – посторонние. Мы с

Сеней послушно вышли на свежий воздух и уже собирались распрощаться с приветившим нас строителем. Как вдруг мне ни с того ни с сего пришла в голову странная мысль. Если эти два объекта как-то связаны и эта связь в виде двух значков закреплена на бумаге, значит...

– Скажите, а здесь есть подземелья? – спросил я.

Прораб явно удивился моему вопросу, но сделал вид, будто бы это само собой разумеющееся любопытство и так его вопрошают все, кто приходит посмотреть на реконструкцию пирамиды.

– Да, – ответил он, – конечно, есть. Во времена, когда сооружался храм, было модным почти под каждым подобным строением рыть подземелья.

– И куда они ведут? – уточнил я.

– Не знаю... Сейчас большинство из них закрыты для посещения. А зачем тебе?

Я неопределённо пожал плечами.

– Так, интересуюсь...

В моих словах не было обмана. Я действительно интересовался. Ведь если два архитектурных строения тайно связаны между собой, то, возможно, эта связь под землёй проявлена более открыто? Другими словами, мне пришла в голову мысль, что когда-то был прорыт подземный ход из Соколиного в Севастополь. С другой стороны, я отлично чувствовал шаткость такого предположения. Ибо логического обоснования я, конечно же, найти не мог. Это же так дорого! Да

и зачем? Сел на коня – и через пару часов ты проскакал от храма к замку. Или от пирамиды к «глазу». Что едино...

На базу мы вернулись около одиннадцати вечера и тут же завалились спать. Поездка в Севастополь дала много пищи для размышлений. Прав был Илья, рекомендуя посетить эту пирамиду хотя бы для общего развития. Здесь бы я добавил: «развития темы».

А утром... Когда я открыл глаза, то увидел рядом с кроватью соседа, который толкал меня в бок. Он явно будил меня. Но зачем? К завтраку – ещё рано. Мы с Семёном ели во вторую смену, которая начиналась в половине десятого. А сейчас...

Я посмотрел на часы и воскликнул:

– Семь часов! Такая рань...

Но сосед был настойчив. И у меня не оставалось другого выхода, как открыть глаза. Стало ясно, что от меня он не отстанет. Ну что за люди!

Надо сказать, мы с Сеней относились к нашему соседу по комнате с доброй долей иронией. Он принадлежал к совершенно иному кругу людей. Во-первых, был стар – не менее шестидесяти лет, а то и все семьдесят. И для нас, студентов, выглядел личностью из совершенно иной исторической эпохи. Во-вторых, уверял, что до ухода на пенсию работал чуть ли не у Брежнева. Что нас искренне веселило. Зачем такому человеку отдыхать на турбазе, где собираются в основ-

ном молодые люди и в почёте активный образ жизни, спорт и многодневные походы в горы. Ему бы до столовой дойти...

У нашего соседа была особенность – он очень громко храпел. Но о своём недостатке этот пожилой человек не просто догадывался, а знал преотлично. И, как мог, боролся. Эту борьбу мы с Сеней наблюдали ежедневно. Точнее сказать – еженощно, когда возвращались с танцев или дружеских посиделок. Не включая свет, пробирались к своим кроватям и тихонько на них усаживались, ожидая «аттракциона».

Как правило, сосед не заставлял себя долго ждать. Вскоре слышалось легкое похрапывание, затем его сила возрастала, и наконец-то он начинал храпеть во всю мощь своего горла. Но длилось это недолго – всего несколько секунд. Каким-то невероятным усилием воли старик сжимал ладонь в крепкий кулак и бил им себя по голове. Храп тут же прекращался. Причем проделывал он этот трюк во сне, не просыпаясь. Вот где самодисциплина, вот стальная воля! Человек даже во сне умудрялся себя контролировать.

Но со стороны подобное прерывание храпа выглядело очень смешно. По крайней мере, с высоты наших малых лет так казалось. Мы падали в подушки и давились от смеха, не в силах себя сдержать. И в наступившей тишине слышались лишь наши истошные похрюкивания. А через минут пятнадцать наш сосед снова начинал храпеть и снова слышался его мощный удар кулаком, и в комнате наступала тишина. Мы же, не успев уgomониться после первого приступа смеха,

снова с хрюканьем утыкались в подушки. Лишь вволю насмеявшись, я и Сеня блаженно засыпали, мысленно поблагодарив нашего соседа за предоставленное наслаждение.

Собственно, это и были единственные контакты с доставшимся мне в соседи пожилым человеком. И тем более удивительно, что он с такой настойчивостью меня будил, да ещё после такого многотрудного дня. Но, может, что-то стряслось?

Я непонимающе уставился на старика, а он, показывая на какие-то бумажки, вопрошал: «Это ты, это ты нарисовал?» Мне ничего не оставалось, как кивнуть, не понимая толком, куда клонит сосед. Дело в том, что я сделал небольшой чертёж храма-пирамиды, когда мы ждали автобуса на Севастопольском вокзале. И чуть-чуть заштриховал его, введя небольшие полутени, для наглядности. Получилось, в общем, неплохо...

Перед сном я этот чертёж оставил на прикроватной тумбочке. А рядом с ним – ещё два, сделанных раньше. Это замок Юсупова и замок Кичкинэ, находящийся рядом с нашей базой отдыха. Два последних я показывал вчера Сеньке, уже и не припомню с какой целью.

– Я смотрю, – послышалось пояснение соседа, – вы, юноша, серьёзно интересуетесь архитектурой?

Мне ничего не оставалось, как кивнуть головой.

– Интересуюсь, а что?

Дело в том, что я опасался любых косых взглядов в на-

правления моих собственных изысканий. Одно дело – промышленное строительство, которое я изучал в университете, и совсем иное – мой интерес к храмам и замкам. Это уже идеология, это скатывание в ряды врагов советского строя. А мой сосед, судя по всему, принадлежал к числу, как тогда говорили, «старых большевиков» и, скорее всего, был враждебно настроен ко всему, что хоть как-то напоминало бывший царский режим.

Мне не оставалось ничего, как быстро пояснить старику, что я учусь на строителя, а данные «строительные объекты» меня интересуют лишь как образцы каменной кладки.

– А я думал, что вас интересуют лишь девушки и вино.

Такие слова пожилого человека мне были неприятны. Уж не знаю почему... Поэтому я слегка покраснел и не нашёлся с ответом. А мой сосед продолжил:

– Да вы, молодой человек, не смущайтесь! В ваши годы лично меня интересовало именно это.

Выдержав паузу, он вдруг предложил:

– А знаете что? Не съездить ли нам в Ливадию?

– В Ливадию?

– Конечно. В царский дворец. Там действительно архитектура. Там есть что посмотреть.

Я напрягся.

– Но в Ливадию же не пускают...

Мне было известно, что в Ливадии располагался большой санаторий. А одним из его корпусов стал именно царский

дворец. Это был санаторий для избранных, и к нему посторонних не подпускали на пушечный выстрел.

– Не пускают, а нас пустят! – уверенно заявил сосед.

– Но... – не сдавался я.

Мой собеседник безапелляционно рубанул по воздуху ладонью руки.

– Если хочешь увидеть дворец, быстро вставай!

Я хотел. Я с прошлого года мечтал об этом. Но давно уверил сам себя, что подобное невозможно. И вдруг такой поворот...

– Сеня! – крикнул я. – Быстро просыпайся, мы едем в Ливадию!

Мой друг засучил ногами.

– С вами тут выпишесь... Вечером храпят, утром кричат. Никакого уважения.



Надо сказать, наш сосед оказался личностью сверхинтересной. Жаль, мы сразу его не «раскусили». Очевидно, на Южном берегу он бывал не раз. Потому что многое здесь знал. За то короткое время, пока добирались из базы отдыха в Ливадию, я узнал столько для себя интересного, что вмиг переменял своё несколько предвзятое отношение к этому человеку.

А вот и дворец. Великий, белый, плывущий в облаках. Царственный. Я как вкопанный остановился, не в силах отвести глаз от этого великолепия.

– Ну как? – усмехнулся наш проводник.

– Нет слов...

– То-то... – он улыбнулся. – А ты не хотел идти...

И многие годы спустя, вспоминая тот микроскопический эпизод из своей жизни, я невольно попадаю в состояние эйфории, в котором тогда оказался. Это, действительно, был царский подарок. Такое увидеть!

Корю себя за то, что моя память весьма избирательно отнеслась к данной ситуации. К сожалению, она стёрла имя этого пожилого человека. И я вынужден, говоря о нём, прибегать к иносказанию. Конечно, я называл его не «старик» или «сосед», тем более не «старый большевик», но вот как...

Мы подошли к северному фасаду, где находился цен-

тральный вход во дворец. Дальше прохода не было. На асфальте стояли высокие металлические стойки, по которым была протянута верёвка. В некоторых местах она свисала, доходя мне до пояса, но ясно было, что это черта, которую переступить или обойти невозможно. Путь в сам дворец для нас был закрыт.

Рядом с ограждением толпились люди. Это были обыкновенные зеваки, такие же, как и мы. Мне вскоре наскучило пялиться на этот вход, и я стал выбираться из толпы. Но тут же услышал голос старика:

– Куда пошёл! Вернись немедленно назад. Сейчас начнётся самое главное.

Я ничего не понял, но послушно встал на прежнее место. А через минуту-вторую к стойкам подошла представительная делегация, и её тут же пропустили во дворец.

Старик вдруг скомандовал нам:

– За ними!

Он первым перешагнул через верёвку своими длинными ногами-циркулями и оказался по ту сторону загородки. Сенька как замороженный последовал его примеру. А я замешкался. Вокруг толпились люди. Многие с удивлением и непониманием следили за нашими действиями.

Надо сказать, мы выглядели по-клоунски.

Я быстро перешагнул через верёвку, и мы втроем устремились вслед за делегацией. Сенька, смеясь, шепнул мне:

– При иных обстоятельствах нас могли расстрелять на ме-

сте, как диверсантов или провокаторов.

– Молчать! – прорычал наш старший товарищ. – Потом ещё спасибо скажете.

Войдя через тяжелые двери, мы нос к носу столкнулись с этой самой делегацией. Люди натягивали на обувь белые матерчатые тапочки без задников – обычная «униформа» посетителей музеев. Нам ничего не оставалось, как последовать их примеру. В белых тапках я почувствовал себя пингвином. Причём – русским пингвином. Дело в том, что все члены делегации говорили по-немецки. И мне они казались немецкими пингвинами. Не выдержав, я снова засмеялся. А немцы посмотрели на меня с удивлением – кто такой?

Сама экскурсия по дворцу была чрезвычайно интересной. Я с огромным наслаждением вдыхал воздух дворца, ощущая все его запахи. Мне вспомнилось прошлогоднее посещение замка Юсупова в Соколином. При всех различиях, явно что-то их объединяло. Я внутренне это чувствовал, но внятно объяснить возникшую в моём сознании общность не мог.

К сожалению, экскурсия велась на немецком языке, поэтому я ни слова не понял. Мне с Сенькой приходилось лишь строить сосредоточенные рожи и делать вид, как сильно нам нравятся пояснения экскурсовода. Со стороны подобное зрелище выглядело комедийно. И я представил себя со стороны – в белых тапках и с умной миной на лице, и ни слова не понимающий по-немецки, но как попугай повторявший за всеми: «Я... я...»

Не выдержав, я снова рассмеялся, уткнувшись в грудь Сеньки, который тоже едва сдерживал смех. Конечно, моя несдержанность выглядела как мальчишество. Но в юные годы она была простительной. Немцы покосились на меня, но ничего не сказали. Скорее всего, они подумали, что нас троих внедрили в немецкую делегацию в качестве сотрудников КГБ, чтобы наблюдать за их поведением. Но почему мы (точнее один из нас троих) вдруг начал смеяться? Может быть, он (то есть я) уловил в словах экскурсовода какой-то подтекст, игру слов или нечто такое, что действительно заставляет смеяться? Выходит, они, немцы, чего-то недопонимают...

Вслед за моим сдавленным смехом послышались смешки и с немецкой стороны. Уж не знаю, я ли был тому причиной... Опешившая экскурсовод, очевидно, решила, что смех имеет прямое отношение к её пояснениям, но, не поняв, к чему именно, решила поддержать весёлое настроение собравшихся экскурсантов. Она рассказала какую-то смешную историю (это мне потом наш старик сосед перевёл) и первой засмеялась. Немцы дружно загоготали. А я, уже ничем не сдерживаемый, смеялся во всю мощь молодых легких. Не ведаю, знал ли дворец прежде такое веселье, но успокоиться я долго не мог. Стоило представить себя в качестве пингвина в белых музейных тапочках, глупо повторявшего по-немецки: «Я... я...», как неудержимый прилив смеха заставлял содрогаться мои плечи и утыкаться лицом в Сенькину

футболку.

И вдруг я увидел русского царя. Экскурсовод подвела немецкую делегацию к одной довольно большой фотографии. Позже мой сосед, уже задним числом, расскажет мне, что эту фотографию специально достали из каких-то запасников, чтобы показать немцам. Советским людям тогда видеть её не полагалось.

Я смотрел и удивлялся. Подобное фото я уже видел. Правда, тот снимок был гораздо меньшего формата, да и точка съёмки, как мне показалось, была чуть иной. Как будто бы одних и тех же людей снимали одновременно двумя фотоаппаратами. И один из этих снимков попал в царский дворец. А другой...

Как тут не вспомнить моё прошлогоднее посещение замка Юсупова и вскрытые мной и Вовкой подземелья. Именно там я обнаружил альбомы с фотографиями, в том числе и той, которую видел сейчас в царском дворце. Конечно, конечно, не той, но очень похожей...

Выходит, я тогда не ошибся, принимая одного из сфотографированных людей за Николая II? Значит, он точно бывал в юсуповском замке. Ведь на других фото, связанных с охотой, отдыхом или трапезой, действия происходили рядом с замком. Это было хорошо видно. Спутать юсуповский замок с любым другим я не мог.

Тут же пришла в голову мысль: «А что, если я держал в руках не юсуповские фотоальбомы, а царские?» Просто не по-

нял этого сразу. Или они были сложены вперемешку, как история двух родов, спрятанная от лихолетья подальше в подвалы...»

Но почему царские альбомы оказались у Юсупова? Это случайность либо точный расчёт? А может быть, я просто ошибаюсь, принимая за царский фотоальбом то, что принадлежало Юсуповым по праву...

– Рот закрой! – прошипел Сеня.

Я автоматически закрыл рот, который непроизвольно у меня приоткрылся в тот момент, когда я увидел фотографию с царём. Да, нельзя одновременно размышлять о чём-то сокровенном, глубоко погружаясь в свои размышления, и находиться при этом в толпе людей. Можно попасть в глупую ситуацию.

Опомнился я лишь на улице. Немецкую делегацию вывели через какой-то боковой выход. Здесь, сбросив белые тапки, я из русскоговорящего пингвина вновь превратился в обычного студента. И первое, что я услышал, были слова нашего старшего проводника:

– А я и не знал, что ты такой смешливый.

– Да просто нашло, – попытался оправдаться я, хотя это вовсе и не требовалось. В словах моего соседа вовсе не угадывалась укоризна.

Мы обошли дворец, оказавшись возле Крестовоздвиженской церкви, пристроенной с западного фасада. Здесь можно было подойти к кованым ажурным железным воротам, через которые просматривался внутренний дворцовый дворик, который именовался «итальянским». Я обратил на него внимание ещё во время экскурсии. К сожалению, мы не задержались там более одной минуты. Зато теперь...

Я сжал в руках черные железные прутья дверной решётки и стал неотрывно смотреть внутрь двора. В его центре возвышался красивый фонтан. Правда, он не работал, но и без воды, безусловно, обращал на себя внимание. Мне почему-то показалось, что под фонтаном находилось какое-то убежище или тайник, а возможно – вход в подземелья. Должны же быть здесь подземелья, или я ошибаюсь?

Затем моё внимание привлекли белые колонны, установленные по периметру итальянского дворика. Сверху они завершались арками, на которых держалось крыло галереи, с четырёх сторон опоясывающей внутреннюю открытую часть дворца. Я стал считать колонны – одна, две, три... Мне казалось, что они играют какую-то таинственную роль. И на самом деле, на них держится не потолок галереи, а небесный свод. Свод...

– Что задумался! – К действительности меня вернул мой старший сосед.

– Да вот, смотрю... – неопределённо отвечал я.

– Красиво?

Я кивнул головой. Хотя в тот момент мои мысли занимала вовсе не красота, а нечто иное. Колонны... Они выстроены по периметру... Как будто вбиты во что-то... Они проводники к небесным сводам...

Меня тронул за плечо Семён.

– Кир, сколько ты будешь здесь стоять? Пошли дальше.

Но мне идти никуда не хотелось, и я упрямо смотрел, как по итальянскому дворику летают красивые бабочки. Они садились на цветы, которые были высажены возле фонтана, и сами становились цветами.

– Да, – слышалось рядом, – увлекающийся ты человек...

Это был голос моего соседа. И, конечно же, я понимал, что вечно у железной ограды стоять нельзя, надо действительно



идти дальше.

Я отвёл глаза от решётки, а Семён рассмеялся.

– Э-ге-ге! Дружище, вернись на землю! Где ты витаешь?

В свою очередь рассмеялся наш сосед.

– Вишь, как чары Краснова на тебя подействовали...

Я потёр ладонями виски.

– Краснова... Какого ещё Краснова?

– Ну, архитектора, который построил этот дворец. Ты чем слушал пояснения экскурсовода?

– Ничем... – сознался я. – Мы в школе и институте английский учили. А по-немецки...

Я махнул рукой. И в этот момент вдруг подумал об этом Краснове, что я уже где-то о нём слышал раньше. Но где? Впрочем, наверное, сейчас подобное уточнение никакого значения не имеет. Краснов так Краснов...

Мы прогулялись по Солнечной тропе, которую ещё называют «Царской», но совсем немного, ибо наши молодые организмы требовали еды. Да и обед в турбазе уже приближался. Кто же хочет его пропустить?

А вечером я уселся на кровать и, открыв свой блокнот, стал делать по памяти зарисовки ливадийского дворца. Мне хорошо удалась башня возле северного фасада, где мы долго стояли у столбиков с верёвками и я мог вволю налюбоваться ею. Попытался изобразить главный, южный фасад, но из-за множества мелких деталей, которые я не запомнил, рисунок получился скучным и не похожим на настоящий.

Лишь после этого я приступил к итальянскому дворику. Сделал несколько вариантов, но все они казались мне неполноценными, не соответствующими истинной пышности и тайной значимости этого внутреннего помещения дворца. В чём дело? Мне показалось, я недооцениваю роли мраморных колонн. В них вся суть.

Я попытался увидеть дворец сверху, в центре которого зияла пустота в виде итальянского дворика. Если в этой пустоте по периметру расположить колонны, то внешне этот дворик будет играть роль короны. А сам дворец окажется огромным коробом, в который эта корона уложена на сохранение, подальше от людских глаз.

Моё предположение казалось фантастическим. Но всё же не хотелось от него отказываться. Если архитектор Краснов и желал каким-либо образом запечатлеть в формах дворца царскую корону, то сделал он это очень стилизованно.

Мало кто может догадаться, что итальянский дворик скрывает в себе нечто большее, его реально можно увидеть.

Предположение сравнить его с царской короной у меня появилось ещё по одной причине. Как я уже говорил, в подземельях юсуповского замка мною был обнаружен чертёж, на котором Ливадия (а значит и царский дворец) были обозначены значком, очень похожим на царскую корону.

Выходит, всё сходится? Или я просто хочу, чтобы так сходилось? В тот момент противоречивые мысли блуждали в моей голове. Как вдруг я явственно увидел треугольник. Та-

кой, как в «подземном» чертеже: Счастливое – Соколиное – Ливадия. Он был обозначен как «врата» – «голубой глаз» – «корона». Три сильных места, три тайных знака, тайная логика прошлых времён...

Этот треугольник не был соединён воедино, но явственно прослеживалась связь, существующая между данными населёнными пунктами. И сердце моё яростно забилося, как тогда, в замке Юсупова в момент созерцания кучи земли через витраж с голубым глазом.

Я стал лихорадочно вспоминать, что же интересного в тех подземных архивах, которое могло пригодиться именно сейчас. В голове мелькали схемы подземелий, рабочие чертежи самого замка, строительные сметы, акты... Всё не то! И вдруг...

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.